

А.-П. Франкфор

ДАННЫЕ О ДОИСТОРИЧЕСКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проблема существования центров, где зародилась domestикация растений и животных, имеет огромное значение для понимания истории развития общества, независимо от того, как относиться к понятиям «неолитическая революция» и «городская революция». По этому поводу высказывалось много мнений, предполагавших существование как единого центра domestикации, так и многочисленных взаимодействующих центров, воспроизводящих этапы этого процесса, его эволюцию и вариации в различных регионах. Применительно к Средней Азии и Индийскому субконтиненту вопрос состоит в том, существовали ли там автономные инновационные центры или лишь центры, куда вводились извне (в первую очередь из «благодатного полумесяца» и Загроса) новые растения и технические приемы. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить достоверные материалы, собранные в хорошо стратифицированном и датированном археологическом контексте, а затем провести сопоставления, без которых нельзя построить теорию и проверить ее достоверность. Для понимания этого процесса в Средней Азии и на северо-западе Индийского субконтинента решающую роль играют данные, происходящие из обширного региона: от Туркмении до Индо-Гангской рав-

нины, особенно же свидетельства таких памятников, как Саразм, Шортугай или Мехгарх, где сбор материалов проводился систематически.

Представленные здесь данные собраны в Саразме (Таджикистан) и Шортугае (Афганистан). Раскопки в Шортугае производились в 1976—1979 гг. Франко-Афганской экспедицией (Национальный центр научных исследований Франции — ИЦНИ и Институт археологии Афганистана). Во время работ 1978 г. Дж. Уилкоккс, палеоботаник экспедиции, получил значительное число растительных макроостатков (зерен и древесных углей), обработав с помощью техники флотации несколько тонн прекрасно стратифицированных археологических отложений. В полном объеме его исследование находится сейчас в печати¹. Техника флотации недавно была успешно применена также в Саразме (работы Саразмской археологической экспедиции под руководством А. Исакова при участии с 1984 г. исследовательской группы № 315 ИЦНИ), но поскольку палеоботаническое исследование этого комплекса еще не завершено, мы будем ссылаться лишь на краткую предварительную заметку Дж. Уилкоккса.

Сопоставление данных об использовании в древности растительной среды в этих двух пунктах представляет большой интерес, причем очень важно извлечь из них методологические выводы для исторической интерпретации палеоботанических данных. Оба памятника расположены в сходных природных зонах — центральноазиатских долинах, недалеко от выхода рек на обширные равнины. Шортугай находится недалеко от слияния Кокчи и Амударьи, на орошаемой равнине. В 5 км от него — лесная полоса Амударьи и холмы, покрытые лессом. Саразм, стоящий у выхода на равнину Зеравшана, имеет аналогичное природное окружение, хотя лесовое покрытие здесь менее мощно и высота над уровнем моря более значительна. Однако эти различия не имеют большого значения для сопоставления типов сельскохозяйственного производства. Более существенно то, что эти поселения относятся к разным эпохам: Саразм — к халколиту, т. е. к первой половине III тыс. до н. э. (ок. 3000—2500 гг.), в то время как Шортугай является памятником бронзового века (ок. 2200—1800 гг.). Однако существует один важный момент, который позволяет сблизить и сравнивать эти два памятника: их открытость внешним влияниям, другим культурам того времени. Саразм имел дальние связи: к западу — до Туркмении и Северо-Восточного Ирана, к югу — до Белуджистана, тогда как Шортугай уже в самом начале предстает как развитое харапское поселение.

Сельское хозяйство этих двух поселений включает использование местных растений и ввезенных из других регионов культурных растений. Вкратце останавливаясь на лесном хозяйстве, отмечу, что оно также включало использование деревьев степной полосы (фисташковых, миндальных, дававших плоды и древесину) и деревьев лесной полосы.

Злаковое земледелие в обоих поселениях имеет довольно значительные различия; причины этого должны выясниться проводящиеся в настоящее время исследования. Конечно, пшеница и рожь составляют большую часть культивируемых злаков. Однако рожь-голозернянка (*Tordeum nudum*), которая появляется в Саразме, не обнаружена в Шортугае, хотя материалы этого памятника исследовались весьма тщательно. Однако отсутствие в Саразме растений, выращиваемых в Шортугае, должно оцениваться с большой осторожностью, поскольку метод флотации не использовался на памятниках в одинаковом объеме. Можно тем не менее отметить, что горох и чечевица равно как и просо (*Panicum miliacaеum*), до сих пор в Саразме не обнаружены. Для получения полной картины существовавшего на этом поселении сельскохозяйственного производства необходимо более интенсивное применение метода флотации.

Какие вопросы относительно этого производства могут возникнуть уже сейчас? Вспомним, что регион, где находятся оба рассматриваемых памятника, является, по

¹ Willcox G. H. Les macro-réstés végétaux // Francfort. H.-P. (ed.). Fouilles de Shortughai: recherches sur l'Asie centrale protohistorique (sous presse).

Н. И. Вавилову, одним из центров распространения земледелия, хотя мы еще не располагаем надежными палеоботаническими данными, относящимися к неолиту, в частности, к неолиту Гиссара². Таким образом, пока нет четкого представления о самом раннем земледелии в этом районе. Что же касается медно-каменного и бронзового веков, то здесь, напротив, мы можем сравнивать палеоботанические наборы обоих памятников с тем, что представлен в контактировавших с ними соседних областях. Так, можно предположить, что чечевица (*Lens culinaris*) и особенно сезам (*Sesamum indicum*) Шортугая были введены в употребление индийскими поселенцами. В то же время некоторые растения здесь впервые появляются в археологическом контексте бронзового века: виноград (*Vitis vinifera*), люцерна (*Medicago sativa*) и различные сорта пшеницы и ржи, которые образуют среднеазиатский набор культур, отличающийся от Индии и Среднего Востока. Интересная проблема связана с введением проса. Мы наблюдаем в Индии достаточно поздно появление некоторых видов африканского проса, ранее же — введение сорго, отличающегося от современных сортов проса, самые древние образцы которого найдены в Китае начиная с неолита. Сейчас еще рано делать выводы о введении *Panicum miliaceum*, начиная с неолита китайской лессовой полосы, но такое предположение нельзя отбросить (в Сапалли-тепа просо и шелк присутствуют уже в первой половине II тыс. до н. э., согласно публикации А. А. Аскарова). Кроме того, наличие в Шортугае ирригационного канала заставляет вспомнить как среднеазиатские каналы, так и харапские. Что касается животных, то, вероятно, только два вида были введены засельниками с Инда: зебу и буйвол (исследование Ж. Десса, в печати). Судя по эволюции типов злаков, в Шортугае сухостойкие культуры со временем как будто бы все более и более преобладают, хотя проверить это трудно. Если это так, то мы можем говорить о переходе к другому типу использования окружающей среды, уступающему место в течение I тыс. до н. э. кочевническому скотоводству.

Итак, при изучении палеоботанических данных возникают те же проблемы, что и при рассмотрении археологического материала: классификация, сопоставление, интерпретация. Мы видим, что в Шортугае сельское хозяйство большей частью местное, независимое от кустарно-ремесленного производства, которое вначале было исключительно харапским. В Саразме работы А. Исакова выявили дальние связи этого поселения, но еще рано говорить о том, сопровождалась ли эти связи введением новых растений; однако знаменательно, что рожь-голозернянка, не обнаруженная в Шортугае, отсутствует также и в Месопотамии, в то же время она известна в Индии, правда, в эпоху более позднюю, чем время существования поселения в Саразме. Не является ли это наблюдение подкреплением гипотезы о существовании среднеазиатского очага одомашнивания растений, откуда они могли распространиться до Индии? Для полного обзора необходимо было бы коснуться всех данных по Туркмении и по Мехргарху. Мы, однако, этого делать не будем, т. к. наша краткая заметка имеет целью показать особенности горных долин Центральной Азии. Здесь сельское производство не было тождественно ни индийскому, ни средневосточному, хотя определенное влияние могло поступать из этих регионов или даже Китая. Такой тип сельского хозяйства неправомерно рассматривать как результат влияния одного центра, находящегося в Анатолии; столь же неправомерно связывать его с распространением индоевропейских языков, как это сделано в недавно опубликованной работе³. Для Центральной Азии такая теория абсурдна: растительные палеоостатки из Шортугая и Саразма свидетельствуют о самостоятельном происхождении и развитии земледелия в этом районе. И хотя сегодня уже приподнят уголок завесы, скрывающей неолитические истоки domestikации растений в Белуджистане, продолжает оставаться спорным вопрос о том, была ли в неолите афгано-таджикская область независимым или вторичным очагом, испы-

² Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 10—34.

³ Renfrew C. *Archaeology and Language*. Cambr., 1987.

тавшим влияние Белуджистана и Северо-Восточной Туркмении — Ирана, и применимо ли одно из этих двух решений к медно-каменному веку? В медно-каменном и бронзовом веках в центральноазиатских долинах существует земледелие, которое не является копией ни одного из предполагаемых¹ очагов, но которое отражает различные заимствования. Изобретение и заимствование, по-видимому, сочетались, и это обеспечивало среднеазиатского крестьянина и горожанина продовольствием. Необходимо прежде всего объективно описать историческое явление во всей его полноте и сложности, а уж затем искать корни этого явления.
